

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА –

УДК 811.512.157'367.7 Амма Аччыгыяа

DOI 10.25587/2782-6635-2023-3-38-53

**Художественно-стилистические особенности романа
Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыяа
«Весенняя пора» («Сааскы кэм»)**

Н. А. Ефремова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ Enadin1979@mail.ru

Аннотация. В статье дается стилистический анализ текста романа якутского писателя-классика Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыяа «Весенняя пора» («Сааскы кэм») и выявляются художественно-стилистические особенности произведения. Роман-эпопею «Весенняя пора» называют энциклопедией якутской дореволюционной жизни. В нем автор достоверно отразил уклад жизни, нравы и обычаи, культуру своего народа, убедительно показал пробуждение народа во время становления советской власти в глухой Якутии. Произведение выдержало около 10 изданий на якутском, русском языках, переведено на украинский, венгерский и чешский языки. Известно, что в истории якутской литературы существуют две редакции романа: первая редакция, вышедшая в 1944 г. без поправки, и вторая – исправленная, дополненная, которая получила широкое признание читателей. Она стала классическим канонem эпопейного романа советского периода. Язык и стиль романа «Весенняя пора» имеют свои неповторимые, художественно-эстетические особенности. Заметно, что во второй редакции автор усердно поработал над текстом произведения: читатель любит художественную изобразительность и богатство родного языка. Особенно в первой и третьей частях романа часто встречаются стилистические фигуры речи (актуализация, анафора, анаэпифора, антипофора, антитеза, гомеология, градация, конкатенация, эпифора и т. д.), порождающие словесную гармонию и особый стиль писателя. Речь персонажей, монологи, диалоги также переданы литературно-обработанным разговорным языком того времени. Надо признать, что язык и стиль произведений Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыяа являются канонem якутского литературного языка и служат ярким примером для многих писателей современной литературы.

Ключевые слова: роман-эпопея, художественно-стилистические приемы, фигуры речи, повтор слов, словосочетаний и грамматических форм, антитеза, параллельные синтаксические единицы, однородные члены предложения, вопросительные и восклицательные предложения, умолчание, инверсия

Для цитирования: Ефремова Н. А. Художественно-стилистические особенности романа Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыяа «Весенняя пора» («Сааскы кэм»). Вопросы национальных литератур. 2023, No3 (11). С. 38–53. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-3-38-53

Artistic and stylistic features of the novel by Nikolai Mordinov - Amma Achchygyia "Springtime" ("Saasky kem")

N. A. Efremova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ Enadin1979@mail.ru

Abstract. The article provides a complete stylistic analysis of the text of the novel by the Yakut classic writer Nikolai Mordinov - Amma Achchygyia "Springtime" ("Saasky kem") and the artistic and stylistic features of the work were revealed. The epic novel "Springtime" is called the encyclopedia of the Yakut pre-revolutionary life. In it, the author authentically reflected the way of life, customs and culture of his people, convincingly showed the awakening during the formation of Soviet power in remote Yakutia. The work went through about 10 editions in Yakut, Russian, and is translated into Ukrainian, Hungarian and Czech. It is known that in the history of Yakut literature there are two editions of the novel: the first edition, published in 1944 without amendment, and the second, corrected and supplemented, which received wide recognition from readers and declared itself as a classic canon of the epic novel of the Soviet period. The language and style of the novel "Springtime" has its own unique, artistic and aesthetic features. It is noticeable that in the second edition the author worked diligently on the text of the work: the reader admires the artistic depiction and the richness of his native language. Especially in the first and third parts of the novel, stylistic figures of speech (actualization, anaphora, anaepiphora, antipophora, antithesis, homeology, gradation, concatenation, epiphora, etc.) are often found, generating verbal harmony and a special style of the writer. The speech of the characters, monologues and dialogues. are also conveyed in the literary-processed colloquial language of that time. It must be admitted that the language and style of Nikolai Mordinov - Amma Achchygyia is the canon of the Yakut literary language and serves as a vivid example for many writers of modern literature.

Keywords: epic novel; artistic and stylistic devices; figures of speech; repetition of words; phrases and grammatical forms; antithesis; parallel syntactic units; homogeneous members of a sentence; interrogative and exclamatory sentences; silence; inversion

For citation: Efremova N. A. Artistic and stylistic features of the novel by Nikolai Mordinov – Amma Achchygyia "Springtime" ("Saasky kem"). Issues of National Literature. 2023. No. 3(11). Pp. 38–53. DOI: 10.25587/2782-6635-2023-3-38-53

Введение

Роман-эпопея Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыя «Весенняя пора» («Сааскы кэм») является энциклопедией якутского народа, в которой ярко отражена дореволюционная жизнь в глухой Якутии.

Еще в 70-х гг. прошлого столетия Г. К. Боесков писал, что репутация мастера языка давно и прочно утвердилась за Николаем Мординовым. Его языковое мастерство признали массовый читатель, литературная критика и лингвисты [1, с. 120].

Данное произведение не перестает интересовать и современных исследователей разных областей литературоведения и языкознания. В 2010 г. вышла монография С. И. Егоровой, в которой дана иная объективная оценка второй редакции романа в новом формате времени [2]. Появились статьи по сравнительному анализу систем образов и хронотопа [3, 4].

Справедливо признать, что для современного читателя, литературоведа и лингвиста язык и писательский стиль Амма Аччыгыя представляют собой чистейший образец якутского литературного языка. После выхода второй редакции романа многие

исследователи якутского языкознания, в том числе крупные ученые Е. И. Убрятова, Л. Н. Харитонов, Г. Г. Филиппов, И. Е. Алексеев, в своих исследованиях часто обращались к произведениям Н. Мординова, находя в нем нужные материалы для изучения тех или иных вопросов якутского языкознания. Кроме того, использованные автором художественно-стилистические приемы, изобразительные средства заинтересовали якутоведов-методистов: сам текст романа «Сааскы кэм» послужил материалом для создания учебников «Саха тыла» для национальных школ, а также учебных пособий по синтаксису якутского языка для студентов филологических специальностей. Действительно, в романе можно увидеть весь лексический запас богатого якутского языка.

Мастерство Амма Аччыгыя кроется в умении манипулировать грамматическими категориями и синтаксическими возможностями якутского языка, при этом учитываются их экспрессивное и модальное значение в контексте. Нужно отметить, что роман «Сааскы кэм» полностью пропитан разнообразием стилистических приемов. Об этом пишут стилисты якутского языка: «Автор умело и с определенной целью использует способы для более точного выражения своих внутренних чувств, для усиления художественной выразительности функции языка. Цель писателя в данном случае заключается в воздействии на читателя с помощью стилистических фигур родного языка» [5, с. 72].

По определению В. А. Масловой: «Стилистический прием – это преднамеренный способ использования определенных языковых средств в целях достижения выразительного (экспрессивного) эффекта» [6, с. 5].

В энциклопедическом словаре «Культура русской речи» дается следующее определение стилистическому приему: «Стилистический прием представляет собой способ организации высказывания (предложения, части текста или текста в целом) на основе прагматически мотивированного отклонения от языковой нормы, или ее нейтрального варианта, или речевой нормы с целью определенного воздействия на адресата» [7, с. 694].

На текстовом материале романа «Сааскы кэм» нами проведен лингвостилистический анализ употребления художественно-стилистических приемов: лексические, грамматические, синтаксические повторы, параллельные синтаксические единицы, антитезы, риторические вопросы, цепочка предложений, построенных по одному и тому же принципу, вопросительные, восклицательные типы предложений, умолчание, инверсии и т. д.

Повтор слов, словосочетаний и грамматических форм

В романе «Сааскы кэм» часто встречаются лексические и грамматические повторы. Повторы могут находиться в разных местах: в начале, в середине и в конце предложения. Таким образом, создается особый ритм и «словесный узор», который придает тексту экспрессию в якутском национальном стиле речи. Необходимо отметить, что якутский язык строится на принципе лексического, морфологического, синтаксического повтора. Подобного рода повторы можно встретить в фольклорных произведениях.

Амма Аччыгыя в первой части романа реально описывает быт и нравы якутских противоборствующих классов: батраков и богачей. Писатель здесь уместно вводит фольклорные мотивы через образ старухи Дарьи, любимой бабушки главного героя Никиты Лягляркина. Долгими зимними вечерами старуха Дарья рассказывает внуку сказки, легенды и предания родного народа. Вот что пишет об этом Г. К. Боесков: «... язык, которым Дарья передает свои сказки, легенды, предания и загадки, отличается типично фольклорными свойствами. К ним следут отнести некоторую архаичность лексики, использование трафаретных словесных формул, стремление к пышности и красочности в описании» [1, с. 121].

Яркий образец использования лексических повторов можно найти в сказках старухи Дарьи.

1. Повтор-сцепление (*конкатенация*): «*Мөккүһэн баран этиспиттэр. Этиһэн баран охсуспуттар*» [8, с. 14] досл. 'Сначала поспорили, потом поссорились. Поссорившись

подрались'(здесь и далее перевод наш – Н. Е.). Данная фигура представляет собой цепочку последовательно подчиненных друг другу синтаксических конструкций, протяженность которых превышает обычную длину такого рода синтаксических образований. Конкатенация в якутском языке часто используется в разговорно-обиходном стиле речи в загадках и сказках, создавая при этом особый речитатив повествования.

2. Повтор-единоначатие (анафора): «Манна “Күн ыраахтааҕытааҕар” умнаһыт оҕонньор ордук өйдөөх буолан тахсар. Манна “үрдүк солоох” тойон уола ойох ылыха буолбут мааны кыһын илбирийбит танаастаах кулут уола ылан дьоллонор. Манна талаары гыммыт уон икки ороспуонньугу соҕотох дьахтар өйүн күүһүнэн баһыйан тутуталыр. Манна сэттэ бырааттан саамай көйгөлөрө, акаарылара кэнники бастыыр, баһылыктыыр» [8, с. 18] досл. 'Здесь батрак умнее “его величество царя”. Здесь бедный парень женится на той самой, которая была обещана сыну знатного богача. Здесь одинокая женщина оказывается сильнее двенадцати страшных разбойников. Здесь самый младший и глупый из семи братьев становится самым главным'. Перед нами представлена лексическая анафора, созданная на фоне синтаксического параллелизма. Автор позволяет сосредоточить на нем большее внимание, способствуя тем самым закреплению его в памяти слушателя. Четырежды повторяющееся слово «манна» («здесь: в сказках» букв. перевод) вводит слушателя (в самом произведении главного героя, мальчика 6-7 лет) в волшебный мир сказки, где царит мир и торжествует справедливость.

3. Повтор однокоренного слова, выраженного в разных падежах в последующих предложениях (полиптотон): «Тыыннаахтар бу малларынан туһамматтар. Бу маллар тыыннаахтарынан эмсэхтэнэллэр. Тыыннаахтарга хомуруттубут эргэ алтан сылабаар, былыр үлтүрүйэн бараннар ньаалбаан кырадаһынынан үүйүллүбүт чааскылар, эмтэриттибит мас хамыйахтар» [8, с. 106] досл. 'Живым не положено пользоваться этой утварью. Эти вещи хранятся много лет и сосут соки из живых. Удел живых – старый медный самовар со множеством вмятин, чашки, перетянутые в нескольких местах обрезами жести, отколотые деревянные ложки'. Как видно, имя существительное «тыыннаахтар» выражена в разных падежных формах. Основная функция полиптотона – концентрация внимания на том или ином понятийном содержании лексемы. В данном отрывке полиптотон участвует в создании сарказма для разоблачения скупого, отсталого от жизни, циничного и безжалостного старика Боллорутта, похоронившего четырех своих жен. В образе Боллорутта, на первый взгляд простого, добродушного старика, мы видим «якутского Плюшкина», который свято хранит старую утварь, одежду и наряды своих умерших жен, часто проверяет «не украдены ли вещи?». Слово «тыыннаахтар» («живые» букв. перевод) в данном отрывке имеет глубокий содержательный смысл, который раскрывает дотошно скупой характер одного из ярких персонажей романа.

4. Повтор в начале и в конце предложения (анаэпифора): «Бу остуоруйаларга: туохтан да бөҕө быһыы – доҕордоһуу буолар. <...> Уонна туох чугутуой доҕордоһуу дьулуурун! Бу остуоруйаларга: саамай сырдык ыраас суол – таптал буолар. <...> Уонна туох тохтотуой, таптал күүһүн! Бу остуоруйаларга: туохтан да күүстээх, тугу да хотор айар күүс – уоттаахтык баҕарыы буолар. <...> Уонна тугу кыайбат, тугу айбат буолуой дьиннээхтик баҕарыы!» [8, с. 19] досл. 'В этих сказках: прочнее всего – дружба. <...> Ничто не остановит стремление к дружбе! В этих сказках: в светлее и чище всего – любовь. <...> Ничто не остановит силу любви! В этих сказках: могущественнее всего – смелая мечта людей. <...> Никто и ничто не устоит перед сильным желанием и чувством творца-человека!'

Анаэпифора – повторение тождественных элементов в начале и конце нескольких параллельных отрезков речи при разной середине. Другое название данной фигуры – симплока. В данном отрывке мы видим синтаксическую анаэпифору. В справочниках пишут, что анаэпифора используется в художественных и публицистических текстах с целью выделения похожих по структуре компоненты высказывания и сфокусировать

на них внимание читателя, усилить эмоциональное напряжение, иногда создать торжественную патетическую тональность [7, с. 52].

Будучи мастером слова писатель Н. Е. Мординов посредством родного богатого якутского языка сумел создать сложные и гармоничные по структуре предложения, которые целенаправленно действуют на читателя: заставляют чувствовать и переживать вместе с персонажами произведения.

Вышеприведенный пример еще раз доказывает, что сказки старухи Дарьи, пронизанные богатой фантазией, добротой и целомудрием простого народа, влекут маленького слушателя в свой волшебный мир, полностью погружая в сказки его посредством силы родного языка.

5. Повтор одного и того же слова в последующих предложениях (*актуализация*): «*Обус атаба салбалыыр, туйабын төбөтүнэн эрэ сири таарыйар, дугуммат. Обус күүбүнэн күлтэчи көрөн баран, буугунуу-буугунуу илгистэр. Туора ыал обуһа. Саадьабай обуһу соботохтуу илдээн бизэртэн Микиитэ дьулайда. Аккаастаата. Мөбүлүннэ. Барда. Амма мууһунан нэлэһийбит суол устун саадьабай обус дьэтигэр тиэтэйэн кындыаланан истэ... <...> Ыал обуһа эбээт. Салдыр муостаах сүрдээх улахан хара обус... Обуһу кыбыыга баайан баран дьэбэ киирдэ*» [8, с. 74] досл. 'Вол стоял, приподняв дрожащую переднюю ногу, его раненое копыто едва касалось земли. Вол сопел и сердито смотрел изподлобья, тряс головой. Чужой вол. Никитка побоялся отвести охромевшего вола одному. Наотрез отказался. За это его отругали. Деваться некуда – пришлось отвести одному. По замерзшей тропинке вол спешно шел домой. <...> Вол богачей Семеновых. Огромный, черный вол с длинными, широко раскинутыми рогами... Привязав вола к изгороди, Никитка зашел в дом'.

В данном отрывке слово «обус» («бык, вол» букв. перевод) повторяется 11 раз подряд, что не является отклонением от литературной нормы, наоборот выражает и передает чувство вины и страха бедняков перед своими господами.

6. Повтор слова в конце предложения (*эпифора*): «Ол күнтэн ыла Микиитэ дойдутун абынна. Күүгэннирэ күрүлүү оргуйар көнгүстэрдээх, дьарбаа таас түгэхтээх, дьаралык килбиэн сүүрүктээх, киэнинэн килбэйэ устар Амматын абынна. Халлаанна харбаспыт тиһилик мөңүөн хайаларын абынна. Үгүс өнүнэн долгулдьуйа долгуннууар улуу ходуһаларын абынна. Күөх далай күөллэрин, баай хара тыаларын абынна. Көрдөөх, үлэһит бар дьонун абынна» [8, с. 17] досл. 'С этого дня Никитку охватила неумолимая тоска по своей малой родине. Тосковал по реке Амга с каменистым дном и быстрым течением, с пенящимся водопадом. Тосковал по горному хребту, стремящемуся высоко к небу. Тосковал по своим сенокосным угодыям, с колыхающимися зелеными травами. Тосковал по родным озерам, дремучей тайге'. Слово «абынна» («соскучился» букв. перевод) повторяется 6 раз подряд в последующих предложениях. Этим повтором автор старается передать чувство сильной ностальгии по родному захолустью главного персонажа Никиты.

7. Перекрестный повтор (*антиметабола*): «*Тыыннааххын дуо? – Тыыннаахпын. – Тоҕо тыыннааххыный? – Өлө илик буоламмын. – Тоҕо өлө иликкиний? – Тыыннаах буоламмын*» [8, с. 161] досл. 'Ты жив еще? – Жив. – А почему ты жив еще? – Да потому, не умер еще. – А почему не умер? – Потому что, жив еще'.

Антиметабола – стилистическая фигура синкретичного характера, совмещающая в себе структурные признаки хиазма (перекрестное повторение одних и тех же слов) и семантические признаки антитезы (протвоставление повторяющихся перекрестно слов [7, с. 55].

Амма Аччыгыйа использует антиметаболу с целью раскрытия характера образов: языковая смекалка служит способом передачи экспрессии в речи.

8. Трехразовый повтор восклицательного слова-предложения после повествовательного предложения (*восходящая градиция*): «*Кулгааба чункунаата, мэйиитэ төйдө, истиэнэбэ өйөнө түстэ. Онтон кэтит долбуур үрдүгэр ойон тахсан тобуктаан сылдьан араас күөдэли, эргэ иһиттэри барытын сиргэ хаһыйталаата, куоппаны өрүкүттэ. Суох! Сиргэ ыстанан*

кэбистэ, орону чүүччэйдэ. *Суох!!!* Орон анныгар киирэн бурбайда. *Суох!!!*» [8, с. 247] досл. 'В тревоге зазвенело в ушах, закружилась голова, и чтобы не упасть, Никита прислонился к стене. Потом он взобрался на широкую полку, и ползая на коленях и поднимая пыль, сбрасывал вниз чьи-то лохмотья, старую посуду. *Нет!* Спрыгнул на землю, порылся на нарах... *Нет!!!* Залез под нары... *Нет!!!*'

Повтор слова «суох» («нет» букв. перевод) с восклицательным знаком после однотипных синтаксических конструкций передает усиливающиеся с каждым разом эмоции главного персонажа – ужас потери бесценного подарка – сверток черного ситца для школьной формы. Используя прием восходящей градации, автор сумел передать внутреннюю тревогу мальчика, который очень дорожил куском ткани, подаренным пансионатом.

9. Повтор синтаксических конструкций вопрос – ответ-возражение с восклицанием – разъяснение-повествование (*антипофора*): «*Истиэнэ быыстарынан чэн муустар килэриһэн тураллар диэтэҕин дуо? Суох! Остуоруйа дыбарыаһын үрүн көмүс эркиннэрэ күлүмүрдэһэллэр... Сиргэ бөх-сыыс ыһылла сытар диэтэҕин дуо? Суох! Кыһыл көмүс кырадаһыннара кылбаннааллар... Таһырдыа буурҕа тыал улуйар диэтэҕин дуо? Суох! Кырыктаах маачаха хара тыаба муннарбыт тулаайах кыһа Үрүн Үкэйдээн ытыыр...*» [8, с. 19] досл. 'Разве эти стены поблескивают толстыми полосками инея? Нет! Это серебряные украшения сказочного дворца. Разве на полу мусор? Да нет же! Это стружки золотые раскиданы! Разве на дворе воеет пурга? Что вы! Это зовет родную мать сиротка прекрасная – девочка Юкэйдээн, выгнанная из дома злой мачехой...'

Повтор подобных однотипных синтаксических конструкций используется в эпизоде, где главный персонаж романа Никита начинает засыпать под напевный голос бабушки Дарьи, слушая ее сказки. Через призму поэтических строк, созданную мастером слова, мы видим сон мальчика, погруженного в волшебный сказочный мир, рассказанный бабушкой Дарьей.

10. Повтор одного и того же слова-предложения между синтаксическими параллелизмами (*парцелляция*): «Сүрдээх нарын кыраһыабай Дыгыйа удабан бэрт ыраах сиртэн ынырыллан кэлэн, үс сүүмэх уһун сиэли тарбахтарын быһыгар кыбытан сылдьан кыыран унаарыйда. *Туһалаабата*. Быһа көтөр сытыы, сымса, чэй иһэ олорон абааһыларын кытта «кэпсэтэн» баллыгыраан барар суостаах, дьулааннаах Дьэпириэм ойуун бэрт ыраах сиртэн ынырыллан кэлэн икки түүн кыыран кирбидэ. *Туһалаабата*» [8, с. 129] досл. 'На первый раз камлала, приглашенная издалика, миловидная женщина-удаганка Дыгыйа. Вставив между пальцами рук три пучка конского волоса, медленно помахивала и что-то бормотала, проводя свой обряд. *Однако ее старания не помогли больному*. На следующий был приглашен другой шаман, грозный и резкий Ефрем. Многие его боялись: во время своей трапезы он наяву «разговаривал» с духами. Двое суток камлал. Однако и его старания оказались напрасны. Больной не выздоровел'.

Повтор глагола «туһалаабата», выраженного в отрицательной форме говорит о пустом и тщетном старании шаманов, которые в старину обманывали народ. В эпоху соцреализма о народных целителях и шаманах большинство писателей отзывались негативно, с недоверием и презрением, за исключением немногих.

11. Повтор однотипных морфем в параллельных отрезках речи (*гомеология*): «Өлөрдүн. Уордун. Сымыйалаатын. Үс төгүл халын буруйу, харана аныыны онордун. Үс төгүл хара кырыыстаах эн *буол!* Сааһын тухары кулуннуу кистии *сырым!* Элиэтии көтө, көрдүү *сырым!* Суолга охтубут собулҕаны тонсуйа *сырым!*» [8, с. 29] досл. 'Убил. Украл. Солгал. Три самых великих греха ты совершил. Трижды проклят будешь ты навеки! *Будешь* ты отныне ржать по-жеребьячему! Вечно *будешь* ты летать в поисках съеденного тобой жеребенка! Вечно ты *будешь* падаль на полях клевать!'

Данный стилистический прием использован в якутской народной сказке, в котором рассказывается о том, как коршун стал падальщиком. В самую старину коршун был табунщиком у одного якутского племени. Доверяли ему пасти на тучных лугах табуны

сероватых лошадей. Однако коршун не сдержался, пренебрег доверием сородичей, сожрал жеребенка. За предательство и воровство грозный суд ему вынес приговор-проклятье.

Рубленные фразы послужили для передачи гнева и разочарования говорящего (здесь: высшего суда племени). Лаконичными и четкими высказываниями заканчивается сказка о коршуне. Надо сказать, что фольклорные элементы заметно украсили язык и стиль первой части эпического романа.

Антитеза

Писатели часто прибегают к описанию противоположных картин, образов и явлений. В романе «Сааскы кэм» тоже встречаются моменты использования стилистического контраста. Известно, что стилистический контраст создается с помощью антонимичных слов и описаний, в стилистике и литературоведении такой прием называется антитезой.

Антитеза – стилистическая фигура, построенная по принципу контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний. Антитеза основана на сравнении двух противоположных явлений или признаков, присущих, как правило, разным предметам [6].

Стилисты русского языка утверждают, что антонимы используются как яркое выразительное средство в художественной речи. Писатель видит жизнь в контрастах, и это свидетельствует не о противоречивости, а о цельности восприятия им действительности [9, с. 35].

Антитеза широко используется в жанрах устного народного творчества: в пословицах, поговорках, загадках, сказках и преданиях.

По мнению критика Д. Т. Бурцева, автор умело описывает быт и нравы противоборствующих слоев общества: сердечность взаимоотношений в семье Лягяриных и полнейшее ее отсутствие в семьях богачей Веселовых, Егоровых; материнскую любовь Федосьи Лягяриной к сыну Никитке и лютую ненависть богатой Пелагеи к дочери-красавице Анчик; дружбу братьев Лягяриных и волчьи отношения богатых братьев Егоровых; человечность небогатого Михаила Егорова и бессердечие богатых Григория и Романа Егоровых и т. д. [10, с. 81].

Автор пишет, что бедняки стремятся к новому, светлому, с каждым днем они духовно растут, а богачи идут в пропасть, темноту, день за днем морально гниют: «*Дьадаңгы ыччата күн диэки, сырдык диэки тардыһар. Баай ыччата күлүк диэки, хараңа диэки дьулуһар. Дьадаңгылар үүнэллэр, баайдар эмэбирэллэр*» [8, с. 333] досл. 'Дети бедняков стремятся в светлую сторону, к солнцу. Дети богачей идут в темную сторону, в пропасть. Бедняки растут, богачи гниют'.

Надо подчеркнуть что методом резкого контраста в описании образов Н. Е. Мординов достиг поставленной перед собой и литературной коллегией цели. Писатель смог отразить революционную идею соцреализма, которая играла в то время основную роль в создании произведения.

Далее рассмотрим эпизод, в котором автор с большим интересом наблюдает и описывает характер и быт двух братьев – Михаила и Григория Егоровых. Заметим, что Михаил – представитель бедняков, а Григорий – богачей: «*Мэхээлэ Дьөгүөрөп киэнэ бары быһыыта түргэн-дөбөн, нарын-намчы. Киргизэлэй Дьөгүөрөп – барыта холку, киэн, томороон. Дьон утуһа сыттаһтарына Мэхээлэ үлэтигэр барар, күн арбаалыһарын кытта үлэтиттэн төннөр. Киргизэлэй хойут үлэтигэр киирэр, түүн төннөр. Мэхээлэ омуһнаах, санаатын тутта биллэрэр. Киргизэлэй ... сирбитин-сөбүлээбитин дөбөнүк биллэрбэт киһи. Мэхээлэ бастын уус. Киргизэлэй хоро салан. Мэхээлэ төңкөйбөккө хонйон туран, сүр кыарабаастык тэлэн, быыстала суох сабан от охсор. Киргизэлэй көммөккө эрэ, бөкчөйөн сылдьан сүрдээх киэнник тэлэн, бэрт бытааннык охсон энсэр. Мэхээлэ дьадаңгы, Киргизэлэй баай. Мэхээлэ бэрт ыраастык озорор, туттар, дэлэйдик аһыыр. Киргизэлэй наһаа күтүр, кэмчитик туттар, маратык таннар, үгүс сылгытыгар-ынабар*

кулут буолар» [8, с. 114–115] досл. ‘Братья мало чем походят друг на друга. Движения и жесты Михаила Егорова умеренны, ловки, точны. А у его брата Григория Егорова все наоборот – медлительны, тяжелы, неуклюжи. Михаил рано утром уходит на работу, и возвращается как только солнце идет в заход. А Григорий уходит поздно, приходит ночью. Михаил прямодушный и пылкий, сразу все в глаза скажет, либо одобрит, либо осудит, но уж зато напрямик, в отличие от Григория, который лишь неопределенно улыбнется, но свое мнение ни за что не выскажет. Михаил мастер на все руки. Григорий неумеха. Михаил косит сено стоя, быстро, с небольшим размахом, но энергично. Григорий косит медленно, наклонившись вперед, размах у него широкий. Михаил беден, но живет куда вольготнее и чище своего брата. Григорий богат, но чрезвычайно скуп и мелочен: одевается неопрятно и питается скудно. Держит большое количество скот, в поте лица ухаживает за ним’.

Таким образом, писатель выносит на всеобщее обозрение противоположность характеров враждующих классов: он пытается достичь симпатии читателей к бедному Михаилу – все, что он делает, делает с душой и добротой, с легкостью и правильно, а что творит Григорий – полная противоположность Михаилу – медлительный, неумелый, скупердый, который не получает никаких жизненных удовольствий от нажитого.

Параллельные синтаксические единицы

Устное народное творчество народа саха строится на основе параллельных синтаксических конструкций. При параллельной связи отрезки речи не сцепляются одно с другим, а сопоставляются, при этом благодаря параллелизму конструкций, в зависимости от лексического наполнения, возможно сопоставление или противопоставление.

Как правило, в синтаксическом параллелизме имеется своя формула: количество слов, иногда и слогов в каждой синтагме должно быть одинаковым; члены предложений в каждой имеют одинаковое месторасположение; грамматическая форма слов должна строиться в синтагмах по единому принципу.

Как мы говорили ранее, в романе «Сааскы кэм» много фольклорных элементов: пословицы, поговорки, загадки, сказки и легенды. Рассмотрим их синтаксическую структуру подробнее.

1. Параллелизм однородных членов предложения: «*Кырдьык кимиэхэ да балыттарбат, сырдык туохха да хахалаппат, ньургун сүрэх туохтан да, кимтэн да дьулайбат*» [8, с. 19] досл. ‘Правду не скрывать, свет на затмить, отважное сердце ничем не страшить’. Целенаправленное нагромождение семантически и структурно схожих конструкций усиливает художественно-экспрессивный оттенок речи.

2. Параллелизм односоставных предложений: «*Киһиргиир туһунан “Ат сүүрдэбинэ ыт хаалсыбат” диэбэ. Инсэрэр туһунан “Обус сымыта түһэрин саһыл кэтэспит” диэбэ*» [8, с. 18] досл. ‘Про хвастуна скажет: «Если лошадь бежит, за ним – собака». Про жадность: «Словно лиса, которая ждет когда же отпадут яйца у быка». Кавычками автор выделяет народные пословицы, использованные в речи носителя народной мудрости – старухи Дарьи.

3. Параллелизм полных двусоставных и номинативных предложений: Бултуур сэби-сэбиргэли араастаан чуолкайдык хоһуйан таабырынныыр. «*”Сири аннынан силлирики уоруйах баар үһү”. Мунха, баҕады. “Абааһы кыһа түһүн түүтүн таарыйтарбат үһү”. Айа. “Суола биллибэт сур сонобос баар үһү”. Тыы*» [8, с. 17] досл. ‘«Под водою вор неслышно шарит». Невод. «Чертова дочь не дает к волосу груди прикоснуться, лягнет и убьет». Самострел. «У серой лошади следов не остается». Лодка’. Кавычками автор выделяет загадки, рядом дает их разгадку.

4. Параллелизм внутри сложносочиненного предложения: «*Ыарахан сылдьан ордук бытаарбат, төрөөн баран арыый чэпчээбэт: ынчыктаабакка-ыһытаабакка төрүүр, үөрбэккэ-күлбэккэ оҥолуур, аһыйбакка-аймаммакка көмөр*» [8, с. 99] досл. ‘Нося в своем чреве плод, не «тяжелела», родив, не «облегчалась»: рожала без боли и криков, ухаживала без любви и радости, хоронила (своих малюток) без страданий’.

В данном отрезке речь идет о молодой женщине, выданной замуж не по любви за дважды овдовевшего старца, из-за чего потеряла всякий интерес к жизни и ушла в себя.

Пояснения говорящего к только что высказанному называется эпексегезисом: «*”Күтүр баай окко сытар ыт курдук ээ... Киргизэлэй Дьөгүөрэп баайын бэйэтэ да туһаммат, дьону да туһалаабат”*. *“Баайга бизрэр кумахха ииктиир кэриэтэ – утары ингэн иһэр... Даарыйа Сыбаайаба эмээхсин ампаара бар дьон үбүгэр хаһан туолуой?!”*. *“Баай оҕото бардам, тот оҕото дохсун... Сыллай Луханы көрбөккүн дуо?”*» [8, с. 18] досл. «Скупой богач словно собака на сене... Нажитое Григорием Егоровым никому не приносит пользы – ни ему самому, ни к другим». «Богачу давать богачу – что на песок воду лить, все сгинет... И правда, разве не исчезает добро в амбарах лавочницы Дарьи Сыгаевой?». Сын богача дерзок, сын сытого приток... Ну разве не узнаете Луку Губастого?».

Н. Е. Мординов в своих произведениях часто прибегал к монологическому авторскому рассуждению, свои эмоции, личное мнение, отношение к персонажам и действительности он излагал и с помощью знаков препинания.

Однородные члены предложения

Однородные члены предложения в якутском языке имеют разнообразное оформление. Все однородные члены предложения соединены между собой способом сочинения. Согласование между однородными членами в этом случае выражается в том, что каждый из них имеет одинаковое оформление [11, с. 61].

При анализе мы заметили частое использование писателем однородных членов предложений. Перечисляя имена людей, предметы, явления, действия автор описывает событие, вокруг которого разворачиваются разного рода сцены.

1. Имена существительные в роли однородных подлежащих простого предложения видим в следующих отрывках: *«Аан дойду үөрүүтэ-хомолто, куорат сонун, ыраахтаабылар сэриилэрэ, нэһилиэк мунньаҕа, айдааннаах күрэстэһиилэр, кистэлэн тапталлар...* Ол кинини букатын таарыйбакка, бүтүннүү ыраабынан ааһаллар» [8, с. 99] досл. ‘Радости и печали всей страны, городские новости, войны государств, сельские советы, протесты, таинственные любви... Все они проходят мимо нее’.

Нельзя не заметить, что все имена существительные выражены в форме множественного числа с помощью аффикса *-лар*. Надо сказать, что аффикс множественности имеет особое стилистическое значение, придающее гиперболизированное содержание перечисленным словам.

2. Глаголы также выступают в роли однородных членов предложения: *«Ол уоскутар, үөрдэр, дьоллуур»* [8, с. 17] досл. ‘Это его успокаивает, радует, окрыляет’; *«Учуутал буоллабына ... гитаралыыр, хомустуур, ыллыыр, айдаарар»* [8, с. 44] досл. ‘Учитель ... играет на гитаре, хомусе, поет, шумит’; Кини бэрт кыра үөрэхтээх, онон түн-тан нууччалаабыта буола-буола, бастын аты миинэн мунунан көтүтэ сылдьан *арыгылыыр-хааттылыыр, содурдуур, содуомнуур, ыллыыр-туойар* [8, с. 78] досл. ‘Он малообразован, плохо говорит на русском, лихо ездит верхом на коне, играет в карты, пьет, устраивает разборки, ведет разгульный образ жизни’. В двух последних предложениях однородные глаголы помогают раскрыть характер персонажей его же действиями. Это дает возможность читателю объективно оценить героя: вместо того, чтобы рассказывать о поступках героев длинную историю, автор с помощью 4–5 тщательно подобранных глаголов дает полную достоверную характеристику.

3. Имена прилагательные часто служат однородными членами предложений в описательных целях: *«Ол киһи ыас хара сирэйдээх, онон-манан атыгыраабыт уһун тиистэрдээх, уу баһа сылдьар бүлтээрийбит мөлтөх харахтаах, Дьөгүөрдээн диэн ааттаах баадайбыт улахан киһи буоллабына – олус күндү киһи буолар эбит...»* [8, с. 7] досл. ‘У него дочерна загорелое лицо, ровные крупные зубы, водянистые выпученные глаза. Оказывается, кроме матери, есть еще один любимый человек, который называется

отцом. Егордан был высокого роста, полнотелый мужчина'. С помощью аффикса *-лаах* описывается внешний портрет персонажа.

4. Параллельное использование однородных членов в одном предложении: «Дарбааннаах күннэргэ хараана ыыспа балаҕаттарга, үрүйэ төбөтүгэр, үрэх баһыгар бүкпүт баайдар, эргизинниттэр, аҕабыттар, ойууттар быгыаласпыт, өгөһнөспүт, дугдуннаспыт кэмнэрэ» [8, с. 332] досл. 'Это было время, когда богатеи, торгачи и попы наконец-то выходили в свет, показывались народу после долгого укрывательства в своих темных балаганах, в глухих уголках, в самых отдаленных окраинах в тяжелое смутное для них время'. Создание трех разных отрезков однородных членов, выраженных различными частями речи в одном предложении придает тексту произведения особую ритмико-организационную стройность.

5. Имена собственные выступают в роли однородных частей сложной синтаксической модели: «Бэһиэлэйэнтэр иитиэх уоллара бэрт элбэх хос ааттаах, малаҕар сирэйдээх, халыг Өлөксөй; Бэһиэлэйэнтэр бырааттарыгар иитилибит уһун синныгэс хатылланнаабыт Мииппээн; Бэһиэлэйэнтэр тастын бырааттара үгүс оҕолоох Сиидэргэ уола Сэмэн оҕонньор көйгө уола ньалырбай саналаах, улахан истээх Уйбаан уонна Микиитэ – түөрт ураанхайдар үлэтиллэр» [8, с. 78] досл. 'Приемный сын Веселовых, плосколицый, толстотелый Алексей; приемный сын братьев Веселовых худощавый, долговязый Митрофан; нелюбимый сын Семена Веселова толстопузый, с невнятной речью Иван и Никитка – четверо «уряныхайцев» работают вместе'. Цепочка номинативных предложений, выстроенных по тождественному принципу играет повествовательную и описательную функции.

6. Виды словосочетаний тоже выступают в роли однородных синтаксических конструкций.

а) Притяжательная форма (имя сущ.+имя сущ.): «Эрдэлиирдэр төрдүөлэр: ити кырдыаҕас эмээхсин, кини улахан уола Сөдүөт диэн өкөһнөөбүт хатынгар, ордуос майгыннаах-сигилилээх киһи, ол киһи ойбоо Маайа уонна эмээхсин кыра уола Миитэрэй – кыра унуохтаах, икки өттүнэн чылаарынны-чылаарынны тизэрэ тэбэн хаамар сүүрбэччэлээх хап-хара киһи» [8, с. 13] досл. 'Эрдялиров четверо: старуха Дарья, ее старший сын Федот, худой, длинный, угрюмый человек, его тихая жена Маайа и Дмитрий – младший сын, приземистый черноволосый парень со смуглым лицом и смеющимися, озорным глазами'. В данной сложной конструкции автор знакомит читателей с семьей Эрдялиров. После двоеточия речь идет о членах этой семьи с разъяснением родственных связей и описанием их характеров.

б) Управление (имя сущ. в форме вин. пад.+глагол): «Литературнай бичэрдэри, дискуссиялары тэрийэллэр, сурунаалларыгар тахсыбыт суруйуулары ырыталлар, испэктээкиллэри туруораллар, көрүлүүлэр, үөрэнэллэр» [8, с. 333] досл. 'Проводят литературные вечера, дискуссии, обсуждают статьи, опубликованные в журналах, ставят спектакли, устраивают праздники, учатся'.

в) Согласование (имя сущ.+глагол; местоим.+глагол): «Ол эрэри дьиэлээх дьон кинилэр. Көрүдүөрдэр ортолорунан аны кинилэр ааллыылар, уулуссаҕа кинилэр парадтыылар, хуорунан кинилэр ыллыылар, көрдөөх, күүстээх тыллары кинилэр этэллэр. Кинилэр олохторо, кинилэр дойдулара, кинилэр дьоллоро» [8, с. 332] досл. 'Они чувствуют себя хозяевами в этой жизни. Посреди коридора толпой идут они, на улицах идут колонны парадов – это они, поют хором тоже они, пафосные речи произносят тоже они. Это их жизнь, их страна, их счастье'.

Вопросительный и восклицательный предложения

В якутском языке существуют четыре типа предложений: повествовательный, побудительный, вопросительный и восклицательный. Все вышеперечисленные типы предложений активно используются в художественных произведениях с целью выражения логического суждения и эмоции и отношение говорящего к действительности.

Предложение соотносительно с логическим суждением, однако не тождественно ему: каждое суждение выражается в форме предложения, но не всякое предложение выражает суждение. Предложение может выражать вопрос, побуждение и т. д., соотносительные не с двучленным суждением, а с другими формами мышления. Отражая деятельность интеллекта, предложение служит также для выражения эмоций и волеизъявлений, входящих в сферы чувства и воли [12, с. 26].

Комплексное рассмотрение синтаксических средств выражения модальностей в якутском языке проделано профессором Н. Е. Петровым. Согласно его мнению, синтаксическая модальность включает в свою сферу отношение говорящего к направленности речевого общения, которое в основном выражается модальными типами предложений и разновидностями собственно модальных фраз. Эти предложения оформляются соответствующей интонацией и обогащаются, конкретизируются лексическими, лексико-грамматическими, грамматическими средствами выражения модальностей. Их выбор всецело определяется целями речевой коммуникации [13, с. 14].

В романе «Сааскы кэм» автор широко использует вопросительные, восклицательные типы предложений с разнообразием модальных оттенков.

1. Риторический вопрос с отрицательной семантикой: «Сор да буолар эбит! Ханна баарый атаҕастаммыт аралдьыйар сирэ, аһыннарар киһитэ?..» [8, с. 88] досл. 'Вот беда! Кто же поможет ему? Кто его спасет?'

2. Риторический вопрос с восклицанием, ответ на который был бы отрицательным: «Сып-сырдык уоттаах харахтаах, ып-ыраас сүрэхтээх саха кыһа аһыйах сылга сылдьан өлбүтүн ким кэриэстии саныай?! Ньургунун сибэкки курдук үүнэн иһэн араас мичилиспит саха кыргытара, араас Мотуо, Даайа, Маайа, Балагыай, Сүөкүлэ диэннэр уостан хаалбытара аһыйах буолуо дуо?!» [8, с. 126] досл. 'Кто же будет чтить память о той прекрасной девице с лучезарными глазами, и чистой душой, ушедшей из жизни в столь юном возрасте?! Разве мало было их?! Мотуо, Даайа, Маайа, Пелагея, Фекла. Все они ушли рано, словно весенний подснежник...'

3. Ответ-реакция на восклицательное предложение риторическим вопросом (*апостроф*): «... кыыс оҕо сааһыттан уларыйбакка хаалбыта – чачаххай ньяассын долгуйар суһуоҕа буоллаҕа. Ону таптаабат, кэриэстээбэт, биэбэйдээбэт буолуо дуо! Кимниин кэпсэтиэй, кими таптыаҕай?!» [8, с. 106] досл. 'То, что осталось от той счастливой ее, девичьей поры – длинная шелковая коса. Неужели она забудет ее, не будет ухаживать за ней! А больше не с кем общаться, да и любить-то некого...'

4. Вопрос самому себе (*медитативный вопрос*): «Сордоох 13 харчыны бу оҕонньор биэрэрэ сөп этэ дуу, суох дуу? 13 харчы аайытын кырдыаҕас эмээхсин түүрүллүбүт сирэйдинэн бөдөҥ таммахтар таннары мөлбөрүһэллэрэ ханан сатанарый?! Эмиэ да ол арыгыны иһэн эмээхсин төһөнү абыраныа эбитэй?..» [8, с. 342] досл. 'Прав был бы старик, если бы дал ей эти проклятые 13 рублей? Справедливо ли то, что из-за каких-то 13 рублей старуха льет свои слезы?! Если бы и дали, могла ли спасти ее эта бутылка водки?'

Предложения, оформленные как риторический вопрос, восклицание, возглас, медитативный вопрос выражают волевое отношение и эмоциональное напряжение писателя к своим читателям с целью пробуждения интереса и воздействия.

Умолчание

В устной разговорной речи есть свой особый прием – умолчание или прерывание. Данный прием используется в разных случаях: когда речь идет о чем-то недозволенном или таинственном, когда говорящий предпочитает умолчать или обижен и т. д. В подобных случаях эмоции и чувства человека играют существенную роль.

В письменной речи, т. е. в художественном произведении, умолчание выражается многоточием и является стилистическим приемом, который имеет экспрессивное значение в произведении. Исходя из семантики и структуры синтаксической модели,

выделяют следующие разновидности умолчания: апозиопезис, прерванно-продолженное и прерванно-возобновленное предложения.

Как правило, усеченные конструкции свойственны в основном разговорному и двум книжным стилям – художественному и публицистическому, где они выполняют характерологическую функцию, описывая говорящего с какой-либо определенной стороны: передают в речи прямую специфику устного говорения, выражают различные эмоции и эмоциональные состояния говорящего с точки зрения гнева, возмущения, негодования, досады, сожаления, смущения, неуверенности, замешательства, удивления, взволнованности, состояния раздумья, неосведомленности или, напротив, нежелания называть вещи своими именами или высказывать мысль до конца и т. д. [14, с. 479].

В романе «Сааскы кэм» прерванные и прерванно-продолженные предложения встречаются в двух разных случаях:

1) в речи персонажей для раскрытия их эмоционально-душевного состояния:

– боль утраты и горе: «Санаам оонньоон... Биһиги киһибит сураба куһаҕан» [8, с. 6] досл. 'Из-за боли утраты... Мой сын, ваш отец умер'; «Аны көрүөм диэбэтэҕим...» [8, с. 7] досл. 'Я не думал, что увижу вас живым...';

– смех и издевательство: «Нохоо, ийэн төрөөбүт, ынаҕын төрөөбүт, аны сотору эһэн төрүүбэ...» [8, с. 5] досл. 'Нохоо, мать твоя родила, корова твоя отелилась, смотри, скоро дедушка твой родит...';

– гнев и раскаяние: «Оччоҕо эһиги хайдах киһи буолаҕыт, доҕоттоор, бу?.. Сордоох, сатаатар, киһи курдук икки эмийдээх буолбаппын...» [8, с. 5] досл. 'Ну и чем же я вас кормить-то буду, мальчуганы?.. Горе-то какое! Молока-то у меня совсем мало, одна грудь на двоих...';

– разочарование и обида: «Икки ойоҕо өлбүт үрэх баһын оҕонньоругар күүстэринэн биэрдилэр. «Күүстэринэн» диэн... «Ити оҕонньорго барабын» диэбиттэригэр Даайыс санарбата...» [8, с. 56–57] досл. 'Ее насильно выдали замуж за дважды вдовца из глухомани. Да, насильно... Ей просто сказали: «Выйдешь замуж за этого старика». Даайыс ничего не ответила, а просто промолчала...';

– предупреждение: «Эн биһикки кырыйдаһпыт да буолуо суоҕа дуо?.. Чэ, оччоҕо сэрэнэн сырыт, бэркэ сэрэнэн! Дьон айатыгар өлбүт куобаҕы тытытаннын сааты онорооронуй?.. Холобурун этэбин, өһүргэнимэ доҕор...» [8, с. 105] досл. 'Разве мы оба не состарились, дружок?.. Ну, смотри у меня, будь аккуратным! Не трогай зайца, попавшего в чужие силки, не позорь хозяина. Это я просто предупреждаю, не сердись на меня, друг...';

2) в речи самого автора для выражения собственного мнения и эмоций:

– лирические моменты (любовь к родным): «Аҕа диэн эмиэ биир тапталлаах киһи баар буолар эбит... <...> Дьөгүөрдээн диэн ааттаах баадайбыт улахан киһи буоллаҕына – олус күндү киһи буолар эбит... <...> Ыраах сиргэ айаннаан хааллаҕына, улахан хомолтолоох буолар эбит...» [8, с. 25] досл. 'Кроме матери, есть еще один добрый и любимый человек – отец... <...> Этот высокорослый мужчина, которого зовут Егордан, также любим и дорог... <...> Если он уедет куда-нибудь надолго, становится очень тоскливо...';

– фантазия, воображение: «Атаҕастабыллаах аптаах маачахалар, кырыктаах ыраахтааҕылар, ийэни-аҕаны сизччи абааһылар, быһыта оҕустах аайы утары үүнэ турар уон икки төбөлөөх эриэн кыыллар... Оо, дэ билигин Микиитэ эһигини кытта кэпсэтэрэ буолуо... О, кини дэ... Оттон манна, аан дойду бастын күүстээбэ киһи, саамай мүччүргэннээх сырыыга, чэгиэн эт сэймэктэнэр, хатан бүлтэс үлтүрүйэр тийэх охсуһууга киирээри сирбиэтэнэн эрэр этэ...» [8, с. 22] досл. 'Эй, вы! Мачехи-обидчицы, грозные цари, черти лесные, и двенадцатиглавые змеи! Вот теперь-то и посчитается с вами первый силач мира – Никита, старший сын Федосьи! Готов он сразиться с вами до последей капли крови!';

– трагические моменты (горе и печаль): «Ол киһэ эмээхсин тугу да кэпсээбэтэ... Куһаҕан киһэ буолла. Дьаданылара, аччыктара, кыһалҕалаах олохторо ол түүннү ыарахан харана үөһүттэн таннары өнөйөн турдулар» [8, с. 31] досл. 'В тот вечер старуха

Дарья не рассказывала свои волшебные сказки. Она тихо сидела в углу балагана... Вечер не сложился. Словно все плохое всплыло наружу: гнет богачей, бедность, голод и холод'; Сотору «Боллоорутта ойоѳо Мотуруона танаралаабыт үһү» диэн иһилиннэ»... [8, с. 111] досл. 'Вскоре они услышали печальную новость: «Жена старика Боллорутты предстала перед богом...»';

– сомнение и полное равнодушие: «Хайдах эрэ... уу нөнүө көстөр курдук тунаархай... тугу да таптаабат, кимиэхэ да өстөммөт, кими да аһыммат, өһүөннээбэт» [8, с. 99] досл. 'Все как-то размыто у нее... словно туман... жизнь протекала без любви и обид, радости и печали';

– в чрезвычайных моментах (беда, сопереживание): «Сүүрдэ... Охто-охто сүүрдэ <...> «Отуу ойоѳосторун тиэритэ хаһыйталаабаккалар», - дии саныыр Микиитэ сүүрэн иһэн... Отуутугар сүүрэн кэлбитэ, кини бумаһыйай болтуота умайан мөхсө сытар эбит. Тыыннаах курдук... Часкыйбытынан эһэ тардан ылла да, көлүйэ уутугар ыстанан кэбистэ. Түөһүн тылыгар диэри ууга туран, күлүбүрүү умайар болтуотун уу изнигэр таһыйар... Уу изнэ килэриччи тонон кытааппыт курдук. Хара көмөрдөр ыһахтаналлар...» [8, с. 69] досл. 'Он бежал... Спотыкался, падал, но бежал <...> Когда бежал думал про себя: «Надо было развалить стены шалаша»... И вот наконец-то прибежал к горящему шалашу, дорогое ему пальто горело... Вроде можно было его спасти... С криком схватив одной рукой, побежал к озеру. Зайдя в воду по самую грудь, начал бить горящим пальто водную гладь... Однако вода будто примерзла. Пепел разлетелся по всей ледяной глади';

удивление, смятение: «Оѳонньор ыты моонньуттан ыга кууһар уонна ... уоһуттан «чоп» гына уураан ылар» [8, с. 104] досл. 'Старик крепко прижал к груди щенка и ... чмокнул его в нос'.

Таким образом, многоточие является стилистически-пунктуационным приемом выражения отношения к происходящему, чувств и эмоций автора или его персонажа.

Инверсия

Инверсия – стилистический прием, состоящий в такой перестановке членов предложения, которая нарушает их обычное расположение. В якутской литературе инверсия довольно часто используется в стихотворных и прозаических произведениях, а также в художественной публицистике. По мнению Н. Е. Петрова, инверсия – одно из важных синтаксических средств выражения модальности. Активизация инверсии обуславливалась тем, что своими корнями она уходила в разговорную речь народа, богатую эмоционально-экспрессивными и другими модальными оттенками [13, с. 249].

Умелое использование инверсии не только обогащает текст, но и усиливает модальность и художественное восприятие текста.

1. Двойной повтор инверсии: «*Тыгы бардыын-бардын ууга... Бардыын-бардын ууга тыы...*» [8, с. 9] досл. 'Ушла лодка... ну и пусть... Унесла вода лодку... ну и пусть...'. В данном примере инверсия помогает автору выразить страх и беспокойство матери, которая из-за неосторожности сына чуть не потеряла его.

2. Инверсия придаточной части предложения: «Оччоѳо үһүөн үөрэллэр: «*Микиитэ санга остуоруйаны истэн баайын ханатынаары, эмээхсин Микиитэ “дьоллоох, бааттаах кини” буоларыттан, Өлөксөй дьоно үөрэллэриттэн*» [8, с. 23] досл. 'Сказкам старухи Дарьи рады все трое: Никитка послушает новые сказки, Дарья же от того, что внук, слушающая ее сказки, становится счастливчиком, маленький Алеша оттого, что рады его близкие'.

3. Предложение-перевертыш: «*Бэрт элбэҥи кэпсээтэ Даарыйа эмээхсин бу киэһэ*». Ср.: Бу киэһэ Даарыйа эмээхсин бэрт элбэҥи кэпсээтэ [8, с. 29] досл. 'Много сказок рассказала старуха Дарья в тот вечер. Ср.: В тот вечер старуха Дарья рассказала много сказок'. Такое целенаправленная перестановка слов придает повествовательный оттенок в речи писателя.

4. Инверсия подлежащего в предложении с прямой речью: «”Кини эрэбил биэриэбэ уонна учууталтан изэтиэ суоҕа” диэн ньыманы эттэ *Уйбаан*» [8, с. 39] досл. ‘«Он точно отдаст деньги и не будет просить учителя дать ему в долг», – сказал Иван’.

5. Инверсии подвергаются дополнения-приложения: «Ити курдук ыллыахтар ээ, *кини, Микиитэ Лэглээрин туһунан...*» [8, с. 40] досл. ‘Именно так будут петь и восхвалять его, Никиту Ляглярина...’.

В романе «Сааскы кэм» инверсия встречается довольно часто и в речи персонажей, и в лирических отступлениях автора.

Заключение

«Языковое мастерство выдающегося писателя оказывает непосредственное влияние на состояние того языка, на котором он пишет свои произведения», – справедливо подчеркивают критики и языковеды [1, с. 8].

Язык романа «Сааскы кэм» действительно повлиял на художественное мастерство многих писателей Якутии. После выхода романа-эпопеи писательская аудитория стала больше обращать внимание на язык и собственный стиль произведений. Надо сказать, что почти все произведения, «ровесники» «Сааскы кэм», являются жемчужиной якутской литературы, образцом чистейшего и богатого своими «завитушками и приставками» якутского языка.

Далее возникает вопрос: Н. Е. Мординов знал наизусть все вышеперечисленные приемы создания словесной образности?

Известно, что многие писатели советской эпохи учились у русских писателей-классиков. Кроме того, они занимались художественным переводом советской литературы. Как мы знаем, Н. Е. Мординов-Амма Аччыгыйа перевел на якутский язык такие крупные произведения, как «Война и мир» Л. Толстого и «Молодая гвардия» А. Фадеева. Критик Г. К. Боесков подчеркивает, что нет сомнения в том, что Н. Е. Мординов, переведя русских классиков на родной язык, учился у них мастерству лепки характера, сложению сюжета, построению композиции, зарисовкам пейзажа, постоянно обогащал и совершенствовал родной язык [1, с. 123].

По завершению лингвостилистического анализа текста романа «Сааскы кэм» делаем следующие выводы:

1. Художественно-стилистические особенности романа заключаются в умелом использовании языковых единиц, в частности лексических, грамматических и синтаксических, которые образуют стилистические фигуры, обозначаемые разными терминами: актуализации, анафоры, анаэпифоры, антипофоры, антитезы, апозиопезиса, гомеологии, градации, конкатенации, инверсии, синтаксического параллелизма, парцелляции, полиптотона, эпифоры.

2. Стилистические приемы используются писателем для передачи психологического и эмоционального состояния персонажа, внедряя в их речь вышеназванные фигуры, кроме того, автор употребляет их в своих лирических отступлениях с целью выражения своих чувств и воздействия на читателя.

Умелая передача диалогов героев – один из существенных моментов языкового мастерства Н. Мординова. Диалоги в его произведениях правдивы и точны в том смысле, что в них реально ощущаются не только душевные порывы персонажей, но и существенные особенности их характера и поведения [1, с. 122].

Лирические отступления автора передаются такими специфическими колоритными изобразительными средствами, как особые грамматические и синтаксические повторы, уподобление, синтаксический параллелизм, риторический вопрос, восклицание, умолчание, инверсия и т. д. Повествуя, автор все время дает пояснения, оценку и выражает свою точку зрения. Таким образом, он вместе со своими героями переживает тот самый момент, о котором рассказывает. Это дает психологическую возможность читателю глубже проникнуть в происходящую действительность в романе.

3. Талантливый писатель создает свои образы, мастерски используя разнообразные художественные приемы. На наш взгляд, ни один одаренный писатель не будет оформлять художественные приемы по правилам и схемам, которые даются в учебниках и энциклопедических словарях по языкознанию и литературоведению. Мастер слова с помощью языка, которым он владеет в совершенстве, сам должен создавать гармонично звучащие узоры словесного триумфа.

Л и т е р а т у р а

1. Боескоров, Г. К. Язык романа «Весенняя пора» / Г. К. Боескоров // Полярная звезда. – 1973. – № 3. – С. 120–122.
2. Ефремова, С. И. Роман Н. Е. Мординова «Весенняя пора» сравнительный анализ двух редакций : сюжет, композиция, образы / С. И. Ефремова. – Новосибирск : Наука, 2010. – 272 с.
3. Егорова, С. И. Особенности символического и реального времени (На материале романа Н. Е. Мординова «Весенняя пора») / С. И. Егорова // Вестник СВФУ имени М. К. Аммосова. – 2014. – Т. 11. – № 1. – С. 85–92.
4. Egorova, S. I. Vasily Manchary as the epic ideal of Nikita Leglyarin the protagonist of Nikolai Mordinov's novel "Springtime" / S. I. Egorova, E. I. Efremova // Вопросы национальных литератур. Электронная серия журнала «Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова». – 2023. – № 2. – С. 13–19.
5. Никитина, Н. А. Саха тыла : уус-уран истиил. Научнай ыстатыяа хомуурунньуга. – [2-с таһаарыы] / Ответственный редактор: Т. И. Петрова. – Дьокуускай : СГУ, 2006. – С. 59–73.
6. Маслова, В. А. Онтологические и психолингвистические аспекты экспрессивности текста : Специальность : 10.02.19 «Теория литературы» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Маслова Валентина Абрамовна. – Минск, 1992. – С. 5.
7. Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / Под руководством Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – Москва : Флинта, Наука, 2003. – 838 с.
8. Амма Аччыгыһа. Сааскы кэм : Роман / Амма Аччыгыһа. – Дьокуускай : Бичик, 1994. – 356 с.
9. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – Москва : Айрис Пресс, 2003. – 442 с.
10. Бурцев, Д. Т. Типы якутской проблематики в якутской прозе / Д. Т. Бурцев. – Якутск : ИЯЛИ СО РАН, 1992. – С. 74–85.
11. Грамматика современного якутского литературного языка : Синтаксис. Часть 2. / Е. И. Убрятова, Н. Е. Петров, Н. Н. Неустроев [и др.]. – Москва : Наука, 1995. – С. 61.
12. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык. – [Изд. 5-ое, исправленное] / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – Москва : АйрисПресс, 2003. – С. 293.
13. Петров, Н. Е. Синтаксические средства выражения модальности в якутском языке : Монография / Н. Е. Петров. – Новосибирск : Наука, 1999. – 288 с.
14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под редакцией М. Н. Кожинной. – Москва : Флинта, Наука, 2003. – 696 с.

References

1. Boeskorov, G. K. Yazyk romana «Vesennyya pora» / G. K. Boeskorov // Polyarnaya zvezda. – 1973. – № 3. – S. 120–122.
2. Efremova, S. I. Roman N. E. Mordinova «Vesennyya pora» sravnitel'nyj analiz dvuh redakcij : syuzhet, kompoziciya, obrazy / S. I. Efremova. – Novosibirsk : Nauka, 2010. – 272 s.
3. Egorova, S. I. Osobennosti simvolicheskogo i real'nogo vremeni (Na materiale romana N. E. Mordinova «Vesennyya pora») / S. I. Egorova // Vestnik SVFU imeni M. K. Ammosova. – 2014. – T. 11. – № 1. – S. 85–92.
4. Egorova, S. I. Vasily Manchary as the epic ideal of Nikita Leglyarin the protagonist of Nikolai Mordinov's novel "Springtime" / S. I. Egorova, E. I. Efremova // Voprosy nacional'nyh literatur. Elektronnaya seriya zhurnala «Vestnik SVFU im. M. K. Ammosova». – 2023. – № 2. – S. 13–19.
5. Nikitina, N. A. Saha tyla : uus-uran istiil. Nauchnaj ystatyja homuurunn'uga. – [2-s tahaaryy] / Otvetstvennyj redaktor: T. I. Petrova. – D'okuuskaj : SGU, 2006. – S. 59–73.

6. Maslova, V. A. Ontologicheskie i psiholingvisticheskie aspekty ekspressivnosti teksta : Special'nost' : 10.02.19 «Teoriya ditteratury» : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk / Maslova Valentina Abramovna. – Minsk, 1992. – S. 5.
7. Kul'tura russkoj rechi : enciklopedicheskij slovar'-spravochnik / Pod rukovodstvom L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryayeva. – Moskva : Flinta, Nauka, 2003. – 838 s.
8. Amma Achchygyja. Saasky kem : Roman / Amma Achchygyja. – D'okuuskaj : Bichik, 1994. – 356 s.
9. Golub, I. B. Stilistika russkogo yazyka / I. B. Golub. – Moskva : Ajris Press, 2003. – 442 s.
10. Burcev, D. T. Tipy yakutskoj problematiki v yakutskoj proze / D. T. Burcev. – Yakutsk : IYALI SO RAN, 1992. – S. 74–85.
11. Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka : Sintaksis. Chast' 2. / E. I. Ubryatova, N. E. Petrov, N. N. Neustroev [i dr.]. – Moskva : Nauka, 1995. – S. 61.
12. Rozental', D. E. Sovremennyy russkij yazyk. – [Izd. 5-oe, ispravlennoe] / D. E. Rozental', I. B. Golub, M. A. Telenkova. – Moskva : AjrisPress, 2003. – S. 293.
13. Petrov, N. E. Sintaksicheskie sredstva vyrazheniya modal'nosti v yakutskom yazyke : Monografiya / N. E. Petrov. – Novosibirsk : Nauka, 1999. – 288 s.
14. Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka / Pod redakciej M. N. Kozhinoj. – Moskva : Flinta, Nauka, 2003. – 696 s.

ЕФРЕМОВА Надежда Анатольевна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ Северного Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова.

E-mail: Enadin1979@mail.ru

EFREMOVA Nadezhda Anatolyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Yakut Language Stylistics and Russian-Yakut Translation, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.